

Цимиданов В.В.

ОБРЯД КРЕМАЦИИ В СРУБНОЙ КУЛЬТУРЕ ¹

Реферат: *Статья представляет собой новое исследование по кремациям срубной культуры. В работе использована контрольная сводка из 7847 погребений, исследованных на территории от Южного Урала на востоке до бассейна Днепра на западе, среди которых 215 погребений были совершены по обряду кремации. Предложена типология этих погребений. Дана оценка частотности практики кремирования в различных регионах срубной культурной области, а также всесторонняя характеристика и корреляция с обрядово-инвентарными показателями, с выходом на социальные реконструкции.*

Ключевые слова: *поздний бронзовый век, срубная культура, кремация, тип.*

Введение. Классическим для срубной культуры способом погребения умерших являлось помещение их в могилы скорченно на левом боку. Вместе с тем часть срубных захоронений демонстрирует и иное обращение с покойником, в т. ч. его сожжение. Одно из первых срубных погребений, где имел место обряд кремации умершего, обнаружил И.А. Зарецкий в 1889 г., раскапывая курган близ с. Войтовка (современная Полтавская обл.). В насыпи кургана находился сосуд, заполненный пеплом и кальцинированными человеческими костями [Супруненко 1991, с. 43]. В конце XIX – начале XX вв. срубные погребения с кремациями были исследованы в Поднепровье и на Северском Донце Д.И. Яворницким, Ф.А. Брауном и В.А. Городцовым [Городцов 1905, с. 226-227; Отрошенко 1976, с. 181-182]. Чуть позже данные захоронения были выявлены в Нижнем Поволжье [Смирнов 1957, с. 218] и других регионах.

С течением времени достоянием науки становились все новые и новые срубные захоронения, демонстрировавшие рассматриваемый обряд. В 1957 г. увидела свет статья К.Ф. Смирнова, где были обобщены данные о трупосожжениях срубной культуры Нижнего Поволжья [Смирнов 1957, с. 217-221]. В последующие десятилетия появилось немало публикаций, авторы которых более или менее углубленно анализировали срубные кремации. В частности, была опубликована серия работ, специально посвященных их изучению

¹ Следует сказать несколько слов об истории написания этой статьи. Как-то, уже давно, находясь в ИА РАН, я услышал про то, что собираются издать сборник с работами по феномену кремации. Меня пригласили участвовать. Я поблагодарил и попросил вместо меня предоставить эту возможность моему коллеге, потому что вопросы кремации в позднем бронзовом веке всегда его интересовали. Этим же вечером я написал письмо Виталию Цимиданову, объяснив ему ситуацию. Дело в том, что я еще не скоро должен был вернуться в музей, где мы работали вместе с Виталием, а сроки, отведенные для подготовки статьи, как всегда, были не слишком долгими. Затем я вернулся из поездки, а к середине сентября 2011 г. Виталий написал текст и отдал его мне, чтобы я отправил его по своим каналам организаторам сборника. К сожалению, что-то нарушилось с подготовкой этого издания, и оно до сих пор не появилось. Такая ситуация известна каждому археологу, когда по разным причинам выход сборников неоднократно откладывается, и статья болтается без руля и ветрил – вроде бы и написана, а где результат?! Пару раз я спрашивал коллег, они говорили, что сборник готовится. Виталий тоже задавал мне вопросы о статье и мне было неловко отвечать ему “Будет!”, потому что именно я втянул его в это дело... Так продолжалось долго, а потом как-то и забылось – неудобно же дергать коллег-археологов вопросами – они-то и сами искренне хотят, чтобы сборник вышел. И будем надеяться, что когда-то он выйдет! Виталий тоже перестал меня спрашивать – махнул рукой. Впрочем, за эти годы мы вместе и по отдельности продолжали публиковаться и, работая с Виталием над иными текстами, я время от времени вспоминал про неудачный случай со статьей. Материалы статьи сохранились у меня в архиве. А потому сейчас, когда автор так и не дождался выхода этой работы, я взял на себя смелость предложить готовую статью В.В. Цимиданова главному редактору ДАЗа, поменяв систему ссылок и убрав несколько мелких ошибок. Жаль, что помощь обрывает такие формы, когда “процесс подготовки” статьи проходит после ухода автора.

А.Н. Усачук

[Федорова-Давыдова 1973; Васильев, Пятых 1976; Отрощенко 1976; Пестрикова 1978; Волкобой 1979; Посредников, Кравец 1992; Клименко 1996; Цимиданов 2001; Алаева 2002; Ганшин 2009]. Добавим, что в некоторых исследованиях, где рассматриваются более широкие вопросы, много внимания уделяется срубным трупосожжениям [например: Багаутдинов 1984; Берестнев 1994, с. 22-23; Крамарев 2004, с. 174-176; Ломейко, Скарбовенко 2004, с. 160-161; Исмагил и др. 2009, с. 109-121]. Таким образом, о срубных захоронениях, совершенных по обряду кремации, написано уже немало. Однако, в существующих работах, как правило, упор делается на трупосожжения определенных регионов. Нам известно лишь одно исследование, где обобщены материалы со всей территории срубной культурно-исторической общности. Это – работа В.В. Отрощенко, опубликованная еще в 1976 г. [Отрощенко 1976]. Поскольку с тех пор появилось много новых публикаций интересующих нас комплексов, а также были выдвинуты интересные гипотезы относительно их интерпретации, имеет смысл сделать еще одно обобщение.

Основная часть. Всего нам удалось учесть данные о 215 срубных кремациях, которые выявлены на обширной территории от Южного Урала на востоке до Днепровского Правобережья на западе. Отметим, что в свою сводку мы включали лишь те комплексы, где в результате действия огня костяк погребенного был разрушен *полностью*. В литературе к трупосожжениям порой относят также захоронения, где скелет погребенного сохранился относительно полно, хотя на костях и имеются следы огня [например: Волкобой 1979, с. 98-99; Миронов 1991, с. 58]. На наш взгляд, данные захоронения не следует рассматривать вместе с кремациями. Они образуют отдельную группу, для которой характерно не сожжение трупа, а лишь его обожжение. Исходя из этих соображений упомянутые комплексы здесь не учитывали.

Удельный вес захоронений, совершенных по обряду кремации, в массиве учтенных нами срубных погребальных комплексов невысок – 2,74%. При этом он очень близок на восточной и западной территориях срубной общности (2,78% и 2,72% соответственно). В то же время, данный показатель сильно варьирует в пределах срубного ареала (см. табл. 1). Наиболее значителен он в северо-западном регионе, включающем Украинскую лесостепь и прилегающие к ней левобережье Среднего Донца и бассейн Калитвы, где составляет 10,0%. В остальных из выделяемых нами регионов срубной общности удельный вес трупосожжений не превышает 4,29%. Особо стоит сказать о ситуации на Южном Урале. Здесь нами учтено 39 кремаций, которые происходят из 26 курганов 16 могильников. При этом удельный вес захоронений с кремациями наиболее высок в пределах Челябинской обл. – 8,59%. Значительно ниже он в Оренбургской обл. – 5,71%. А в Башкортостане данный показатель минимален – 0,67%.

На Южном Урале учтенные кремации происходят из 26 курганов 16 могильников. При этом в 6 курганах захоронение с трупосожжением являлось единственным срубным под данной насыпью. В этом регионе раскопана также серия курганов, где было обнаружено несколько захоронений с кремациями. В частности, в Челябинской обл. нам известно 9 курганов с трупосожжениями, и при этом в 4 было 2 и более кремаций. В Оренбургской обл. мы знаем 13 курганов с трупосожжениями. В 3 из них присутствовало 2 и более кремаций. В кургане 2 могильника Система IV, Челябинская обл. было выявлено 6 кремаций [Костюков, Алаева 2004, с. 30-40]. В кургане 16 могильника Свердлов IV, Оренбургская обл., исследовано 4 кремации [Халяпин 1998, с. 64-65]. Своего рода «рекордом» является курган 7 Бурдыгинского могильника, Оренбургская обл., где выявлено 12 кремаций [Исмагил и др. 2009, с. 110] (материалы раскопок не опубликованы, а потому мы не смогли их использовать). Отметим, что в курганах, Южного Урала, содержащих 2 и более трупосожжений, во всех известных нам случаях присутствовали и погребения, демонстрировавшие иной обряд (ингумации, реже – кенотафы). Отсюда правомерно

допущение, что среди срубных общин не было таких, где кремировались поголовно все умершие.

Применительно к Среднему Поволжью нами учтено 30 срубных трупосожжений. Из них 29 выявлены в 20 курганах из 16 курганных могильников, а 1, возможно, в грунтовом могильнике. Нелишне отметить, что на восточной территории общности кремации, за редким исключением, в грунтовых могильниках не встречаются. Так, они не были выявлены в таких могильниках, как Съезжее II, Самарская обл. [Колев 2003], Калач, Саратовская обл. [Тихонов 1996; 1997], Смеловка, Саратовская обл. [Лопатин 2010, с. 16-54], где исследованы десятки срубных захоронений.

В 4 курганах Среднего Поволжья трупосожжение являлось единственным срубным погребением под данной насыпью. 6 курганов содержали более 1 кремации. При этом в к. 5 могильника Новоселки, Татарстан находились 4 кремации, наряду с которыми там присутствовали и ингумации [Иванов, Скарбовенко 1993, табл.], в к. 23 могильника Кайбелы, Ульяновская обл. – 3 (плюс большая серия ингумаций) [Мерперт 1958, с. 93, 95], а в еще в 4 курганах – по 2 кремации (в 2 из них были и ингумации).

На Нижней Волге нам известны 10 курганов с кремациями (10 могильников). В кургане 9 могильника Бородаевка обнаружены 6 кремаций и серия ингумаций [Миронов 1991, с. 52-63], а в остальных курганах – по одной кремации, порой дополнявшихся ингумациями.

На Верхнем и Среднем Дону известные нам кремации обнаружены в 5 курганах пяти могильников. На Нижнем Дону они выявлены в 3 курганах трех могильников. В северо-западном регионе трупосожжения, учтенные нами, происходят из 8 курганов восьми могильников и 2 грунтовых могильников. Заметим, что только в этом регионе нам известны кремации, выявленные в бесспорных грунтовых могильниках. В Донбассе кремации происходят из 12 курганов 11 могильников. В Приазовье – из 16 курганов 14 могильников. В Орельско-Самарском междуречье они выявлены в 13 курганах 13 могильников. В Самарско-Конкском междуречье трупосожжения исследованы в 2 курганах 2 могильников. В Днепровско-Молочанском междуречье кремации происходят из 13 курганов 11 могильников. На Днепровском Правобережье они исследованы в 9 курганах 8 могильников. Наконец, в Крыму известные нам кремации раскопаны в 8 курганах 8 могильников. Приведенные числовые показатели свидетельствуют о том, что погребения, совершенные по обряду кремации, в Нижнем Поволжье и большинстве регионов западной территории срубной общности очень редко попадали в один могильник, что говорит об экстраординарности лиц, которые в данных регионах подвергались после смерти сожжению.

Учтенные нами погребения довольно разнообразны. Они демонстрируют вариативность по многим параметрам: числу умерших, погребенных в могиле, способам обращения с их телами, размещению погребенных в могильной яме, в том числе их локализации относительно сосуда, состоянию последнего и т.п. Следовательно, возникает необходимость в классификации. Некоторые авторы уже выделяли виды, группы, типы кремаций [например: Смирнов 1957, с. 218; Отрощенко 1976, с. 183; Берестнев 1994, с. 22-23]. Представляется, что существующие классификации не передают всего разнообразия рассматриваемых захоронений. Мы предлагаем разбить анализируемый массив трупосожжений на следующие типы:

I. “Классические” кремации. Для них характерно помещение в могилу (изредка – на древний горизонт) останков *одного* погребенного, причем кальцинированные кости не были сложены в керамическом сосуде [к примеру: Отрощенко 1976, с. 172-177, 181]. Таких захоронений в нашей сводке 147, т.е. подавляющее большинство;

II. “Классические” коллективные кремации. В могильных ямах этих захоронений останки умерших образовывали не одно, а два (изредка – более) компактных скопления [например: Багаутдинов 1991, с. 41; Колтухов и др. 1994, с. 46]. Данных погребений учтено 7. Строго говоря, выделение кремаций II типа несколько условно, поскольку ни в одном из учтенных случаев нет полной уверенности, что кости из разных скоплений принадлежали

разным умершим [ср.: Ломейко, Скарбовенко 2004, с. 160]. Лишь антропологические анализы позволили бы подтвердить или опровергнуть наше допущение;

III. Ярусная коллективная кремация. Здесь кости размещались несколькими скоплениями в западной части заполнения ямы и одним скоплением в центре ее дна [Посредников, Кравец 1992, с. 47]. Данное захоронение выделено в отдельный тип с некоторой долей условности, ибо невозможно утверждать наверняка, что скопления костей являлись останками разных покойников;

IV. Биритуальные кремации. В погребениях данного типа находились останки двух умерших, один из которых был ингумирован, а второй – кремирован, причем останки обоих находились в одной плоскости, а кальцинированные кости не были помещены в сосуд [например: Збруева 1948, с. 25-26; Буйнов, Дегтярь 2005, с. 110, 112]. Кремаций данного типа нам известно 6;

V. Биритуальные ярусные кремации. Таких погребений учтено 2. Тут также присутствовали останки двух умерших (ингумированного и кремированного), но они размещались на разных уровнях, и кальцинированные кости не были помещены в сосуд [например: Отрощенко 1991, с. 327];

VI. Биритуальная ярусная коллективная кремация. Нам известен лишь 1 такой комплекс. Здесь в углублении дна могилы лежала нижняя часть костяка подростка, выше которой находились три отдельных скопления кальцинированных костей [Костюков, Алаева 2004, с. 40, 42]. Естественно, нет полной уверенности в том, что последние принадлежали трем (или, скажем, двум) разным покойникам;

VII. “Урновые” кремации. В данных погребениях кальцинированные кости умершего были сложены в сосуд [например: Халяпин 1998, с. 58, 59, 64]. Учтено 18 комплексов;

VIII. “Урновая” коллективная кремация. Нам известно лишь 2 таких погребения. В каждом из них выявлено по 2 сосуда с кальцинированными костями [например: Супруненко та ін., 2006, с. 72, 78-80];

IX. Ярусное коллективное погребение, где на дне могилы зафиксированы остатки “классической” кремации, а выше них – 2 “урновые” кремации. Данный комплекс нам известен лишь 1 [Отрощенко 1976, с. 178-180];

X. Биритуальное ярусное “урновое” погребение. Учтен 1 комплекс. На дне могилы находился костяк одного из погребенных, а выше – сосуд с кальцинированными костями другого [Мерперт 1958, с. 93, 95];

XI. Кремации, где кальцинированные кости компактно размещались под целым сосудом. Учтено 3 [например: Миронов 1991, с. 56];

XII. Кремация, где кальцинированные кости находились под целым сосудом, но при этом в могиле было и расчлененное захоронение. Данный комплекс учтен лишь 1 [Городцов 1905, с. 227];

XIII. Кремации, где останки погребенного находились под фрагментированными сосудами, вперемишку или рядом с фрагментами керамики. Данных захоронений учтено 13 [например: Буйнов, Дегтярь 2005, с. 112];

XIV. Кремации, где в небольших округлых ямках (диаметр – около 1,0 м) находились кальцинированные кости, причем отсутствовал какой-либо инвентарь. Подобных комплексов учтено 12 [Буйнов, Дегтярь 2005, с. 112].

Сведения о частоте встречаемости трупосожжений разных типов в различных регионах приведены в таблицах 2 и 3. Из них видно, что почти все типы, которые представлены 2 и более погребениями, имеют широкое территориальное распространение – встречаются и на восточной, и на западной территории общности. Исключением является лишь тип XIV, локализация которого крайне узка. Трупосожжения данного типа известны нам лишь в 1 могильнике на территории Харьковской области.

Кремации разных типов порой оказывались в одной насыпи. Это более характерно для восточной территории общности. Так, в кургане 2 могильника Система IV, Челябинская обл.

находились 5 трупосожжений I типа и 1 – VII [Костюков, Алаева 2004, с. 32, 34, 38, 40], в кургане 1 могильника Система VI – по одной кремации I и VI типов [Костюков, Алаева 2004, с. 40, 42], в кургане 16 могильника Свердлов IV, Оренбургская обл. – 3 кремации I типа и 1 кремация V типа [Халяпин 1998, с. 65], в кургане 5 могильника Новоселки, Татарстан – 3 кремации I типа и 1 – II типа [Иванов, Скарбовенко 1993, табл.], в кургане 23 могильника Кайбелы, Ульяновская обл. – 1 кремация I типа и 1 – X типа [Мерперт 1958, с. 93, 95], в кургане 9 могильника Бородаевка, Саратовская обл. – 5 кремаций I типа и 1 – XI типа [Миронов 1991, с. 56, 58, 60-61]. На западной территории общности подобные случаи единичны. Так, в кургане 1, исследованном близ Котовского, Харьковская обл., выявлены 1 кремация I типа и 1 – VII типа [Берестнев 1994, с. 22-23]. Добавим, что на территории Украины нам известны 2 грунтовых могильника, где также имела место корреляция кремаций разных типов. В частности, в могильнике Компанийцы, Полтавская обл. исследовано по 1 кремации VII и XI типов [Отрощенко 1976, с. 182], а в могильнике Червоный Шлях I – 2 кремации IV типа, 9 – XIII типа и 12 – XIV типа [Буйнов, Дегтярь 2005, с. 110, 112].

В ряде курганов были обнаружены 2 кремации одного типа. Во всех случаях, кроме одного, это были трупосожжения I типа. В частности, данная ситуация имела место в к. 3 мог. Система II, Челябинская обл. [Костюков, Алаева 2004, с. 21-22], к. 1 мог. Система IV [Костюков, Алаева 2004, с. 25, 27, 28], к. 15 мог. Герасимовка, Оренбургская обл. [Федорова-Давыдова 1973, с. 170], к. 11 мог. Лузановка, Самарская обл. [Васильев 1977, с. 21-22], к. 4 мог. Владимировка, Самарская обл. [Васильев, Кузнецов 1989, с. 75], к. 3 мог. Новопавловка, Самарская обл. [Скарбовенко 1981, с. 13-14], к. 1 мог., исследованного в совхозе Луначарского, Самарская обл. [Васильев, Пятых 1976, с. 43-44], к. 1 мог. Орловка, Донецкая обл. [Забавин 2010, с. 178-180], к. 1 мог. Поливановка XXII, Днепропетровская обл. [Волкобой 1979, с. 99-100], к. 8-9 мог. Петрмихайловка, Запорожская обл. [Ляшко и др. 2004, с. 62, 65-66], к. 1 мог. Днепровка I, Запорожская обл. [Ляшко и др. 2004, с. 41], к. 1 мог. Большая Белозерка (Отрощенко 1976, с. 172-173, 175), Запорожская обл., к. 15 мог. Заповитне, Запорожская обл. [Отрощенко 1976, с. 175, 177]. Пара кремаций другого типа выявлена лишь в к. 1 мог. Свердлов IV, Оренбургская обл. Здесь находились кремации VII типа [Халяпин 1998, с. 58, 59].

Рамки работы не позволяют детально проанализировать кремации всех типов. Поэтому ограничимся рассмотрением лишь тех типов, которые наиболее репрезентативны.

Тип I

На *восточной территории* данных захоронений учтено 67. В 11 случаях имеются антропологические определения возраста умерших. Среди них 3 взрослых (в т.ч. мужчина 35-45 лет) и 8 детей (возраст одного – до 1 года). Стоит отметить, что в 2 захоронениях присутствовали браслеты, а еще в 3 – наборы из 2 и 3 категорий украшений. Исходя из того, что и браслет, и наборы украшений являлись в погребальном обряде срубной культуры женскими знаками [Цимиданов 2006, с. 204, табл. 5], можно с достаточной долей вероятности допускать женский пол упомянутых погребенных. Таким образом, на восточной территории по обряду кремации I типа могли погребаться лица обоих полов и разных возрастных групп, начиная с младенческой.

В 52 случаях имеются данные о параметрах могильных ям. Отметим, что в 18 случаях (34,6%) ямы имели довольно большие размеры – их площадь составляла 2,0-5,0 кв. м. В 9 случаях (17,3%) площадь равнялась 0,2-0,7 кв. м. При этом в 3 могилах с площадью 0,7 м, 0,6 м и 0,2 м были погребены дети. Отсюда правомерно допущение, что могильные ямы небольшого размера (до, примерно, 0,7 кв. м) предназначались для помещения кремированных останков именно детей. Любопытно, что в нашей сводке кремаций I типа, обнаруженных на территории Среднего Поволжья, захоронений с ямами «детских»

параметров нет. Впрочем, не исключено, что это обусловлено всего лишь недостаточной репрезентативностью соответствующей выборки.

Размеры могильных ям трупосожжений I типа в большинстве случаев намного превосходили размеры скоплений кальцинированных костей. Очевидно, яма выкапывалась такой, словно в ней должен был быть похоронен некремированный покойник. На данный момент уже обращалось внимание [Отрощенко, Моця 1989, с. 23]. Стоит, однако, уточнить, что это характерно не для всех типов кремаций. Например, трупосожжения VII, XIII и XIV типов в своем большинстве были совершены в ямах такого размера, где мог быть ингумирован разве что ребенок. Возможно, в случае с кремациями I типа носители срубной культуры верили, что в могиле находятся не кусочки костей, а незримое тело умершего.

Информация о локализации кальцинированных костей относительно пространства могильного сооружения известна применительно к 37 захоронениям. При этом в 6 случаях останки умерших были выявлены в заполнении ямы, причем 3 из данных 6 захоронений были «ограблены». Слово «ограблены» мы берем в кавычки, поскольку если проникновение в могилу имело место в древности, оно не обязательно преследовало цели найти там что-то полезное. Нарушение могилы могло иметь и культовые цели. В данной связи любопытно следующее. На восточной территории «ограбленными» являлись 7 кремаций I типа (10,4%), и все эти погребения выявлены на территории Челябинской обл., где составляют 53,8% кремаций рассматриваемого типа. Таким образом, видно, что практика «ограбления» именно на этой территории имела наибольшие масштабы. И если «ограбление» производилось самими носителями срубной культуры (что, конечно, доказать крайне трудно), это может свидетельствовать о локальных особенностях верований срубного населения.

В 1 случае кальцинированные кости были рассеяны внутри пространства, окруженного валом из глины, еще в 1 – разбросаны по дну могилы. В 30 погребениях кости образовывали компактное скопление (округлое или вытянутое). При этом скопление чаще всего находилось в центре могильной ямы (13 комплексов). В 8 случаях оно тяготело к северной стенке ямы, в 4 – к западной, в 3 – к южной, в 1 – к восточной.

При раскопках ряда захоронений удалось проследить, что кальцинированные останки помещались в могилу, будучи предварительно насыпанными в емкости из органических материалов. Так, в погребении из Алексеевки, 3/1, Оренбургская обл. кости первоначально находились, судя по конфигурации их скопления, в мешке или лукошке [Овинникова, Кабанова 1999, с. 66]. В погребении из Меркеля, G2/5, Саратовская обл. останки умершего лежали в деревянном блюдообразном сосуде [Синицын 1947, с. 78]. Отметим, что известны и другие случаи помещения кальцинированных костей в органические «контейнеры» [Ломейко, Скарбовенко 2004, с. 160].

Около половины рассматриваемых захоронений демонстрировали знаки высокого ранга умерших [о ранговой градации срубного общества см.: Цимиданов 2004, с. 37-38]. Данные о степени выраженности различных знаков ранга приведены в таблице 4. Стоит дать к ней некоторые пояснения. На восточной территории к большим мы относим могильные ямы площадью 2,0 и более кв. м. Сложные могильные сооружения здесь представлены «дромосом», валом из глины и в 2 случаях – срубами. Избыточное число сосудов для данной территории составляет 4. К следам ритуалов вне могилы мы относим кости животных и керамику, находившиеся в заполнении могилы, рядом с ней и в насыпи кургана, кострища в кургане.

Среди захоронений низшего ранга, т.е. таких, которые не демонстрировали ни одного рангового знака, около трети составляли погребения детей. В 6 случаях это установлено антропологами, а в 5 – может быть допущено на основании размеров ям (0,3-0,5 кв. м).

Погребальный инвентарь кремаций I типа на восточной территории, помимо сосудов и ножей, представлен и другими изделиями (табл. 5). Часть этих предметов, на наш взгляд, маркировала определенный статус. Так, со статусом властителя связана булава [Цимиданов 2004, с. 56], игла – со статусом мастера [Подобед, Цимиданов 2010, с. 98], деревянная чаша –

со статусом служителя культа [Цимиданов 2004, с. 75-77]. С этим же статусом, вероятно, связан и кристалл горного хрусталя. Это можно допускать на том основании, что у многих народов кристаллы являлись предметами для ритуальных манипуляций [Харнер 1994, с. 85-86]. Важным моментом является то, что ни одна из кремаций не содержала предметов вооружения. Здесь стоит сделать некоторые уточнения. В двух захоронениях с обрядом трупосожжения, выявленных в Поволжье, присутствовали бронзовые топоры. Это – п. 1 к. 1 могильника Владимировка I, Самарская обл. [Кузьмина и др. 2003, с. 259-270] и п. 2 к. 11 могильника Барановка I, Волгоградская обл. [Сергацков 1992, с. 100, 104]. Авторы публикаций отнесли комплексы к срубной культуре. Отметим, что в обоих захоронениях присутствовали бронзовые топоры, которые по своим параметрам близки к топорам Турбинского могильника [разряд Т-2 по: Черных, Кузьминых 1989, с. 125, 128] и отличаются от топоров Сеймы и срубной культуры [разряд Т-4 по: Черных, Кузьминых 1989, с. 128]. Отсюда захоронения из Владимировки I и Барановки I следует датировать предсрубным временем. Таким образом, в срубное время, в отличие от предшествующего периода, кремация не коррелировалась с воинским статусом.

На *западной территории* кремаций I типа учтено 80. Применительно к 5 комплексам установлен возраст умерших. Во всех случаях они являлись взрослыми, в т.ч. молодая женщина, женщина 30-40 лет и женщина без данных о возрасте. Бесспорных детских захоронений в сводке нет. Там, правда, имеется 3 комплекса с ямами площадью 0,2-0,6 кв. м. Возможно, в данных могилах были погребены дети. Обратим внимание на следующее. По 55 захоронениям I типа западной территории известны размеры могильных ям. При этом ямы площадью 0,2-0,6 кв. м составляют 5,5%. Соответствующий показатель по Южному Уралу – 20,0%. Отсюда возникает впечатление, что удельный вес “детских” трупосожжений на западной территории намного ниже, чем на восточной периферии срубной общности.

Сведения о локализации останков погребенных известны по 43 комплексам. При этом в 40 случаях кальцинированные кости лежали на дне могильной ямы, в 1 случае – на каменной вымостке, в 1 захоронении были выявлены в заполнении, в 1 – часть их находилась на дне могилы, а часть – в заполнении. Если отбросить 2 последние захоронения, то можно отметить, что чаще всего кальцинированные кости лежали компактно (35 случаев против 6, когда они были разбросаны).

Размещение костей относительно ямы демонстрирует две закономерности, которые имеют место и на восточной территории:

1. Чаще всего останки погребенных размещались в центральной части ямы (14 случаев);

2. В тех случаях, когда кости были смещены к одной из стенок, они чаще тяготели к северо-восточной и восточной стенкам – тем, где в случае ингумирования умершего находилась бы его голова.

“Ограбленными” являлись 5 погребений. Это составляет 6,3%, что намного ниже, чем соответствующий показатель по Челябинской обл.

Данные о степени выраженности в рассматриваемом массиве ранговых знаков приведены в таблице 4. Сделаем некоторые пояснения. Применительно к захоронениям западной территории большими мы считаем ямы с площадью 2,1 кв. м и более. Сложные могильные сооружения представлены столбовыми конструкциями, срубами, цистами, каменными ящиками усложненной конструкции, круглой каменной выкладкой, на которой лежали останки умершего. Следы ритуалов вне могилы – кострища, кости животных, сосуды, фрагменты керамики вне могилы или в ее заполнении.

Сведения о погребальном инвентаре, выявленном в комплексах западной территории (без учета сосудов, ножей и деревянных блюд), приведены в таблице 5. Назначение и семантика ряда изделий, фигурирующих в ней, более или менее ясна. Лощило для обработки кожи, вероятно, маркировало статус мастера-кожевника. Деревянная чаша связана со

статусом служителя культа. То же касается кремней [Цимиданов 2004, с. 55-56] и астрагалов [Цимиданов 2004, с. 77].

Сопоставление приведенных в таблице 4 данных по восточной и западной территориям позволяют отметить, что на западе в массиве трупосожжений большинство из ранговых знаков были выражены значительно сильнее, чем на востоке. Таким образом, на западной территории положение группы, представители которой подвергались после смерти сожжению, было более высоким, чем на восточной. Добавим, что на западной территории 12,5% захоронений с обрядом кремации сопровождались соединительными досыпками. Под такими досыпками здесь (на восточной территории подобной практики не было) погребали лиц высшего ранга [Цимиданов 2004, с. 40, 69].

Данные по частоте встречаемости различных категорий погребального инвентаря в массивах погребений восточной и западной территорий (см. табл. 5) демонстрируют следующее:

1. Лишь на восточной территории знак “кремация” коррелировался со статусом властителя;

2. На восточной территории значительно выше удельный вес комплексов с украшениями, чем на западной – 13,5% против 1,3%. Это косвенно свидетельствует о том, что на западе женщины реже погребались по обряду кремации, чем на востоке;

3. На западной территории в рассматриваемых захоронениях намного чаще присутствовали предметы, связанные с ритуальной функцией – 12,7% против 3,0%.

Сравнивая трупосожжения I типа двух территорий, стоит коснуться и орнаментации обнаруженных в них керамических сосудов. Данные, приведенные в таблице 6, показывают, что картины в двух регионах во многом разнились. В частности, на восточной территории удельный вес захоронений с орнаментированными сосудами довольно близок в массиве трупосожжений и общем массиве срубных захоронений. На западной территории, напротив, имеет место повышенная корреляция обряда трупосожжения и орнаментированной керамики. То же имеет место в случае со взятыми суммарно иррегулярным орнаментом и знаками. Вообще-то иррегулярный орнамент (или – композиции оригинальных фигур) и знаки (“письмена”) мы относим к разным типам [Цимиданов 2004, с. 51]. Но поскольку рисунки из многих публикаций не позволяют эти типы орнамента разграничить, здесь данные типы рассматриваются вместе. Иррегулярный орнамент и знаки, на наш взгляд, попадали в могилы лиц, имевших отношение к ритуальной деятельности [Цимиданов 2004, с. 52]. В случае с орнаментом, содержащим доминирующий компонент [см.: Цимиданов 2004, с. 51] картина на обеих территориях тождественна: в массиве кремаций удельный вес захоронений, содержавших сосуды с этим орнаментом, намного выше, чем в общем массиве срубных погребальных комплексов.

Тип VII

На *восточной территории* нам известно 4 трупосожжения этого типа. Все они локализируются на Южном Урале, причем 3 происходят из одного могильника – Свердлов IV, Оренбургская обл. В частности, в к. 1 выявлены п. 3 и п. 19, где кальцинированные кости детей находились в сосудах, накрытых каменными плитками [Халяпин 1998, с. 58, 59]. В п. 2 к. 11 сосуд с костями был без каменной “крышки”. Возраст умершего не установлен. Близ сосуда располагались кальцинированные косточки ребенка [Халяпин 1998, с. 64]. Еще 1 кремация VII типа происходит из могильника Система IV, Челябинская обл. Здесь, в п. 5 к. 2, как и в предшествующем случае, помимо костей, находившихся в сосуде, обнаружены кальцинированные кости, бывшие вне его. Они размещались рядом с сосудом и выше (в заполнении) [Костюков, Алаева 2004, с. 34, 36]. Возможно, в захоронениях из Свердлов IV, 11/2 и Системы IV, 2/5 кости, найденные в сосудах, с одной стороны, и кости, бывшие вне их, с другой, принадлежали разным умершим, т.е. перед нами – коллективные кремации. Но доказать это невозможно.

В п. 3 к. 1 из Свердлово IV находилась кость животного, что свидетельствует, на наш взгляд, о высоком ранге умершего. Остальные кремации VII типа данного могильника ординарны. Захоронение из Системы IV более ярко, чем свердловские комплексы. Помимо урны, в могиле выявлены еще 2 сосуда, кость животного, а также 2 створки раковин с отверстиями. Яма погребения имела площадь 2,0 кв. м. Остатки мясной пищи и параметры ямы фиксируют высокий ранг умершего, а раковины, вероятно, маркируют статус служителя культа [см.: Цимиданов 2009].

Добавим, что 1 захоронение данного типа, не вошедшего в нашу сводку из-за недостатка информации о нем, исследовано в Среднем Поволжье [Ломейко, Скарбовенко 2004, с. 160].

На *западной территории* нам известно 14 погребений VII типа. Из них 8 выявлены в кургане, исследованном близ Сухой Гомольши Харьковской обл. [Буйнов, Михеев 1989, с. 92]. Из 14 комплексов 13 ординарны и не содержат никаких иных изделий, кроме самой урны. Лишь 1 захоронение демонстрирует знаки повышенного ранга. Оно исследовано в к. 1 Донецкого могильника (более известен как Текстильщик) Донецкой обл. В данном кургане обнаружена ограда из камней диаметром около 12 м. Внутри нее находилась площадка размерами 3,0×3,0 м, окруженная поставленными на ребро камнями и покрытая слоем золы и пепла. Здесь выявлен развал сосуда. К окружающей площадку стенке извне примыкал каменный ящик размерами 0,5×0,5 м. В нем стоял сосуд с кальцинированными костями. Рядом с ящиком найдены развал еще одного сосуда и кости животных [Березанская, Гершкович 1983, с. 107]. Погребение из Текстильщика демонстрирует два знака ранга – дополнительные элементы курганной архитектуры и следы ритуалов вне каменного ящика.

Интересно то, что и на урне, и на сосуде, бывшем рядом с ящиком, присутствовал орнамент, нанесенный по косой сетке [Березанская, Гершкович 1983, рис. 2, 6, 8]. Подобная орнаментация присуща федоровской культуре [Кузьмина 1987, с. 63]. Добавим, что среди кремаций VII типа западной территории есть еще 1, где орнамент сосуда демонстрирует федоровские черты [Післарій 2008, рис. 10, 10]. Таким образом, некоторые люди, при погребении которых совершался обряд, порождавший трупосожжения данного типа, каким-то образом были связаны с населением далеких восточных территорий. Но таких людей было немного, ибо прочая керамика из “урновых” погребений западной территории – типично срубная.

Тип XIII

На *восточной территории* учтен 1 комплекс – погребение из Бережновки 2/3 Волгоградской обл. [Захаров, Сергацков 1998, с. 75]. С ним связано сооружение кургана, т.е. умерший являлся лицом высокого ранга.

На *западной территории* нам известны 12 погребений XIII типа. Из них 9 происходят из грунтового могильника Червоный Шлях I Харьковской обл. [Буйнов, Дегтярь 2005, с. 112]. Уточним, что при составлении сводки кремаций мы учитывали лишь захоронения первой группы данного могильника. Во второй группе выявленных на нам погребений также были трупосожжения XIII типа, но эта группа, согласно авторам публикации, относится уже к постсрубному времени [Буйнов, Дегтярь 2005, с. 114, 116, 118].

В 1 из захоронений, помимо фрагментов керамики, лежавших с костями, находился еще 1 сосуд [Буйнов, Михеев 1989, с. 92-93]. В п. 7 мог. Червоный Шлях I рядом с останками умершего лежал скелет собаки, близ черепа которой выявлен “небольшой камень в форме кирпича” [Буйнов, Дегтярь 2005, с. 112].

Лишь 1 комплекс XIII типа демонстрирует ранговый знак. Это – погребение из Шкарина 2/1 Воронежской обл., с которым был связан индивидуальный курган [Пряхин, Матвеев 1993, с. 34, 36].

Ю.В. Буйнов предположил, что захоронения, где кальцинированные кости погребенных коррелировались с фрагментами преднамеренно разбитых сосудов, отражают “бондарихинскую обрядовую традицию” и свидетельствуют об ассимиляции позднесрубного

населения раннебондарихинским [Буйнов 1999, с. 11, 13]. Правда, через несколько лет исследователь стал высказываться более осторожно. Он отметил, что первая группа погребений из Червоного Шляха I, где погребения XIII типа представлены довольно хорошо, не демонстрирует в керамике бондарихинских проявлений, в отличие от более поздней второй [Буйнов, Дегтярь 2005, с. 110-118]. Отсюда следует, что появление трупосожжений интересующего нас типа не может быть результатом бондарихинского влияния.

Тип XIV

Все 12 учтенных погребений данного типа выявлены в Червоном Шляхе I [Буйнов, Дегтярь 2005, с. 112]. Отметим, что, как и в случае с кремациями XIII типа, мы учитывали лишь погребения первой группы могильника, хотя подобные им есть и во второй группе. Захоронения XIV типа в пределах могильника размещались вперемешку с захоронениями XIII типа. Кроме того, оба типа погребений на могильнике близки по форме и размерам могильных ям. Отсюда возможно допущение, что кремации XIV типа являются производными от кремаций XIII типа, а отсутствие в первых керамики объясняется какими-то особенностями умерших (возможно, – половозрастными). Отметим, что, хотя комплексов XIV типа и нет на восточной территории, здесь им очень близки некоторые погребения I типа – те, которые не содержат никакого инвентаря и совершены в малых ямах [см., например: Костюков, Алаева 2004, с. 38, 42]. Правда, здесь ямы были подпрямоугольными, а сами погребения – курганными. Но, тем не менее, можно констатировать, что демонстрируемый трупосожжениями XIV типа обряд не является чем-то аномальным для срубной культуры.

Довольно интересен тот факт, что большинство кремаций VII, XIII и XIV типов концентрируется на довольно узкой территории – в пределах Харьковской и, в меньшей степени, Полтавской областей. В частности, здесь выявлены 61,1% трупосожжений VII, 76,9% – XIII и 100,0% – XIV типа. Добавим, что в этих двух областях именно кремации трех перечисленных типов преобладают среди трупосожжений, составляя 80,5%, причем почти все они относительно поздние в рамках срубных древностей – датируются сабастиновским временем. Кроме того, все известные нам кремации трех отмеченных типов на Харьковщине и Полтавщине не демонстрируют знаков ранга. Отсюда возможен вывод, что здесь трупосожжения VII, XIII и XIV типов являлись не социальным, а «этнографическим» знаком (особенностью определенных общин).

Заключение. Проведенный нами анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Обряд кремации практиковался на всей территории срубной общности, но, вместе с тем, в конкретных регионах его масштабы разнились.
2. Срубные захоронения с кремациями очень вариативны. Это позволяет допускать, что на данный обряд накладывали отпечаток различные факторы, не вполне еще понятные.
3. Наиболее распространенными были захоронения, где в подпрямоугольную могилу укладывались кальцинированные кости одного умершего, причем помещались они на дно ямы, не складывались в сосуд и в подавляющем большинстве случаев сопровождались инвентарем (главным образом, целыми керамическими сосудами).
4. Сжигаться могли тела умерших разных возрастных групп и обоих полов. Вместе с тем, на западной территории общности, похоже, кремация была в большей степени «монополизирована» взрослыми мужчинами.
5. На западной территории среди лиц, подвергшихся кремации, было значительно больше людей повышенного ранга, чем на восточной.
6. Знак «кремация» часто демонстрирует корреляцию со знаками, маркировавшими принадлежность умерших к группе служителей культа (особенно, – на западной территории). Это подтверждает гипотезу, согласно которой в срубных социумах (возможно, за исключением территории нынешних Оренбургской и Челябинской областей, а в период

финальной бронзы – и территории северо-западного региона) обряд кремации был “монополизирован” социальной группой служителей культа и “магически опасными” лицами [Цимиданов 2001; 2004, с. 59-61].

Благодарность

Автор искренне признателен А.Н. Усачуку за помощь, оказанную в процессе подготовки данной работы.

Цимиданов В.В.

ОБРЯДИ КРЕМАЦІЇ В ЗРУБНІЙ КУЛЬТУРІ

Серед комплексів зрубної культури присутні поховання з кремацією. Перші з цих поховань були розкопані в кінці XIX – початку XX ст. І.А. Зарецьким, Д.І. Яворницьким, Ф.О. Брауном і В.О. Городцовим. У статтях К.Ф. Смирнова, Є.А. Федорової-Давидової, В.В. Отрошенка, І.Б. Васильєва і Г.Г. П’ятих, В.І. Пестрикової, С.С. Волкобая, В.О. Посреднікова і Д.П. Кравця, В.Ф. Клименка та інших авторів узагальнювались дані про кремації зрубної культури. Однак, необхідні дослідження, що базуються на нових матеріалах.

Робота є новим дослідженням по кераміці зрубної культури. Автор аналізує 215 поховань. Їх ареал тягнеться від Південного Уралу на сході до басейну Дніпра на заході. Питома вага кремації в контрольному зведенні з 7847 поховань становить 2,74% (2,78% на східній території і 2,72% на західній території зрубної спільності). У той же час, різні регіони демонструють різну питому вагу кремації – від 0,55% до 10,0% (табл. 1). Найбільшу питому вагу має місце в північно-західному регіоні – 10,0%. Дуже цікава ситуація на Південному Уралі. На цій території більшість кремацій концентруються в Челябінській і Оренбурзькій областях – 8,59% і 5,71%. Але в Башкортостані показник становить 0,67%.

Кremaції були розділені на 14 типів:

“Класичні” кремації. Для них характерно приміщення на дно могили останків одного похованого. Таких поховань в нашій зведенні 147;

I. “Класичні” колективні кремації. Тут на дні могили знаходилися останки двох або більше похованих. Таких поховань 7;

II. III. 1 кремація, де останки кількох людей перебували на різних рівнях;

IV. Біритуальні кремації. У цих похованнях перебували останки двох осіб – інгумації і кремація, розміщені на одному рівні. Таких поховань 6;

III. Біритуальні кремації. У цих похованнях перебували останки двох людей – інгумації і кремація, розміщені на різних рівнях. Таких поховань 2;

IV. 1 біритуальна колективна кремація. У цьому похованні перебували останки чотирьох осіб – інгумації і 3 кремації. Вони розміщувалися на різних рівнях;

V. Cremaції, де останки знаходилися в урні (керамічному посуді). Таких поховань 18;

VI. Cremaції, де останки 2 осіб перебували в 2 урнах. Цих поховань 2;

IX. 1 поховання, де “класична” кремація і 2 урни розташовувалися на різних рівнях;

X. 1 біритуальна кремація, де інгумація і урна перебували на різних рівнях;

XI. Cremaції, де останки знаходилися під посудину. Таких поховань 3;

XII. 1 кремація, де останки знаходилися під посудину. У цій могилі було також розчленоване поховання;

XIII. Cremaції, де останки знаходилися під фрагментами судини, або упереміш з ними, або поблизу фрагментів судини. Таких поховань 13;

XIV. Cremaції, де останки знаходилися в невеликих круглих ямах. Речі в цих похованнях відсутні. Даних поховань 12.

Більшість типів, представлених більш, ніж 1 похованням, присутні на обох територіях зрубної спільності (табл. 2, 3). Тільки тип XIV локалізована на невеликій території (Харківська і Полтавська області). У 6 курганах були присутні кремації декількох типів (I і VII; I і VI; I і V; I і II; I і X; I і XI). Більшість цих курганів були розкопані на східній території. У 2 ґрунтових могильниках також були

присутні кремації декількох типів (VII і XI; IV, XIII та XIV). У 13 курганах були присутні 2 кремації I типу. В 1 кургані знаходилися 2 кремації VII типу.

Кремації I, VI, XII і XIV типів найбільш репрезентативні.

На східній території були розкопані 67 врахованих комплексів I типу. На цій території серед померлих 3 дорослих та 8 дітей. 2 поховання містили браслети і 3 - набори прикрас. Ці артефакти дозволяють інтерпретувати поховання як жіночі. Таким чином, на східній території кремація корелюється з різними статевими і віковими групами.

50,7% кремації I типу відрізняються від моделі рядового поховання символами високого рангу – індивідуальним курганом над могилою, локалізацією поховання в центрі кургану, великими розмірами могили, складним могильним спорудою, присутністю кісток тварин, 4 судин, бронзового ножа, ритуалами поза могили (табл. 4).

Кремації містили булаву, голку, кістяні трубки, дерев'яну чашу, різні прикраси і кристал (табл. 5). Булава корелюється з владної функцією, голка - зі статусом майстра. Дерев'яний кубок і кристал корелюються зі жрецьким статусом. У кремація зрубної культури зброю відсутня. Таким чином, кремація не корелювалася з військовим статусом.

80 врахованих кремації I типу були розкопані на західній території. Серед похованих на цій території – 5 дорослих (серед них 3 жінки).

76,2% кремації I типу на цій території демонстрували символи високого рангу, представлені індивідуальними курганами, великими розмірами могил, складними могильними спорудами, присутністю кісток тварин, 2 і більше посудинами, бронзовим ножом, дерев'яним блюдом, ритуалами поза могили (табл. 4). Кореляція кремації з високим рангом на західній території сильніше, ніж на східній. Серед кремації на західній території є поховання, розташовані між двома курганами. Насип, зведена над цими похованнями, з'єднувала кургани. Ця сполучна насип була символом вищого рангу в поховальному обряді зрубної культури. Питома вага даних поховань серед кремації західній території – 12,5%.

На західній території кремації I типу містили знаряддя для шкіряного виробництва, дерев'яні чаші, кремені, скроневі підвіски і кілька артефактів невідомого функціонального призначення (табл. 5). Шкіряне знаряддя корелюється зі статусом майстра. Дерев'яні чаші, овечі астрагали і кремені корелюються зі жрецьким статусом. Кореляція кремації зі жрецькими атрибутами на західній території сильніше, ніж на східній території. Це – 12,7% поховань проти 3,0% поховань.

На двох територіях різниться питома вага кремації, що містили судини з орнаментом (44,8% на східній території і 61,3% на західній території) (табл. 6). На західній території кремації корелюються з іррегулярним орнаментом. Цей орнамент відзначав жрецький статус. На обох територіях має місце кореляція кремації і орнаменту з домінуючим компонентом (табл. 6).

4 врахованих комплексу VII типу були розкопані на східній території. Серед похованих на цій території 2 або 3 дитини. 2 поховання демонструють символи високого рангу. 1 поховання містило черепашки. Ці артефакти відзначали жрецький статус.

14 врахованих комплексів VII типу були розкопані на західній території. Лише 1 поховання демонструвало знак високого рангу.

1 врахований комплекс XIII типу був розкопаний на східній території. Це поховання демонструвало знак високого рангу.

12 врахованих комплексів XIII типу були розкопані на західній території. Лише 1 поховання представляло високий ранг.

Комплекс XIV типу на східній території відсутні. 12 врахованих комплексів XIV типу були розкопані на західній території. Вони не демонструють знаків високого рангу.

Проведений нами аналіз дозволяє зробити наступні висновки:

1. Обряд кремації практикувався на всій території зрубної спільності, але, разом з тим, в конкретних регіонах його масштаби різнилися;

2. Зрубні поховання з кремаціями дуже варіативні. Це дозволяє припускати, що на даний обряд накладали відбиток різні чинники, не цілком ще зрозумілі;

3. Найбільш поширеними були поховання, де в підпрямоугольну могилу укладалися кальциновані кістки одного померлого, причому містилися вони на дно ями, не складалися в посудину і в переважній більшості випадків супроводжувалися інвентарем (головним чином, цілими керамічними посудинами);

4. Спалювати могли тіла померлих різних вікових груп і обох статей. Разом з тим, на західній території спільності, схоже, кремація була більшою мірою «монополізована» дорослими чоловіками;

5. На західній території серед осіб, які зазнали кремації, було значно більше людей підвищеного рангу, ніж на східній;

6. Знак “кремація” часто демонструє кореляцію зі знаками, маркованих приналежність померлих до групи служителів культу (особливо на західній території). Це підтверджує гіпотезу, згідно з якою в срібних соціумах (можливо, за винятком території нинішніх Оренбурзької і Челябінської областей, а в період фінальної бронзи – і території північно-західного регіону) обряд кремації був “монополізований” соціальною групою служителів культу і “магічно небезпечними” особами.

Ключові слова: пізній бронзовий вік, зрубна культура, кремація, тип.

Tsimidanov V.V.

CREMATION RITE IN THE SRUBNAYA CULTURE

Among the complexes of the Srubnaya culture (Timber-grave culture) there are burials with cremation. The firsts of these burials were excavated at the end of the 19th and beginning of the 20th cent. By I.A. Zaretsky, D.I. Yavornitsky, F.A. Brown and V.A. Gorodtsov. In the papers of K.F. Smirnov, E.A. Fedorova-Davidova, V.V. Otroshchenko, I.B. Vasiliev, G.G. Pyatykh, V.I. Pestrikova, S.S. Volkoboy, V.A. Posrednikov, D.P. Kravets, V.F. Klimenko and others authors a synthesis of data on the Srubnaya culture cremations. However, no detailed studies based on this material have been published.

The our paper presents a new review on cases of cremation rite in the Srubnaya culture. The author had analyzed 215 burials. Its region stretched from South Urals in the east up to Dnieper drainage-basin in west. The ratio of the cremations in a control selection of 7847 burials is 2,74% (2,78% on the eastern territory and 2,72% on the western territory of the Srubnaya community). At same time, different regions may produce very different ratio of the cremations, ranging from 0,55% to 10,0% (tab. 1). The highest ratio in the north-western region take place, is 10,0%. The situation on the South Urals is very interesting. On this territory the majority of cremations are concentrated in Chelyabinsk and Orenburg regions, that is 8,59% and 5,71%. But in Bashkortostan that is 0,67%.

The cremations are divided into 14 types:

I. “Classical” cremations. In this burials ashes of one deceased placed at the bottom of the grave. That is 147 burials;

II. “Classical” collective cremations. In this burials ashes of the two or more than two ashes placed at the bottom of the grave. That is 7 burials;

III. 1 cremation in which ashes of several peoples placed on the different levels;

IV. Biritual cremations. In this burials placed ashes of two peoples. That is inhumation and cremation placed on the one level. That is 6 burials;

V. Biritual cremations. In this burials placed ashes of two peoples. That is inhumation and cremation placed on the different levels. That is 2 burials;

VI. 1 biritual collective cremation. In this burials placed ashes of four peoples. That is inhumation and 3 cremations. They placed on the different levels;

VII. Cremations where ashes placed on the urn (ceramic vessel). That is 18 burials;

VIII. Cremations where ashes of 2 people placed in 2 urns. That is 2 burials;

IX. 1 burial where “classical” cremation and 2 urns placed on the different levels;

X. 1 biritual cremation where inhumation and urn placed on the different levels;

XI. Cremations where ashes placed under vessel. That is 3 burials;

XII. 1 cremation where ashes placed under vessel. In this grave dismember burial placed too;

XIII. Cremations where ashes placed under fragmental vessel or pell-mell with fragment of vessel or near vessels fragments. That is 13 burials;

XIV. Cremations where ashes placed in small around grave. Things in burials were absent. That is 12 burials.

Majority of the tips which represent by more than 1 burials are presents on both territories of the Srubnaya culture’s community (tab. 2; 3). Only tip XIV has localization in the small territory (Kharcov and Poltava regions). In 6 barrows cremations of several tips were kept (I and VII; I and VI; I and V; I and II; I and X; I and XI). Majority of these barrows were excavated on the eastern territory. In 2 burials ground cremations of several tips were kept to (VII and XI; IV, XIII and XIV). In 13 barrows 2 cremations of I tip were kept. In 1 barrow 2 cremations of VII tip were kept.

Cremations of I, VI, XII, XIV tips are most representative.

There are 67 accounted complexes of I tip were excavated on the *eastern territory*. Among the deceased on this territory 3 adults and 8 children. 2 burials contain bracelets and 3 burials contain adornments sets consisting of several units. These artifacts allow us to interpret these as women's burials. Thus, on the east territory cremation correlates with different sex and age groups.

50,7% cremation of I tip differs from the model of the Srubnaya culture ordinary burial so the symbols of the raised rank as indicated by the presence of the individual burial mounds above the burial, the localization of the burial in the center of barrow, large sizes of grave, complicated grave construction, the presence of animal bones, the presence of 4 vessels, a bronze knife, a rituals outside grave (tab. 4).

The burial ground of cremations includes cudgel-shaped head, needle, bone tubes, wooden cup, various adornments and crystal (tab. 5). The cudgel-shaped head correlates with the ruling function. The needle head correlates with the status of the artisan. The wooden cup and crystal correlates with the priest's status. In the cremations of the Srubnaya culture weapon is absent. Therefore, cremation is not correlates with the military status.

There are 80 accounted complexes of I tip were excavated on the *western territory*. Among the deceased on this territory 5 adults (among of them 3 women).

76,2% cremation of I tip on this territory displayed the symbols of the raised rank as indicated by the presence of the individual burial mounds above the burial, large sizes of grave, complicated grave construction, the presence of animal bones, the presence of 2 and more vessels, a bronze knife, a wooden dish, a rituals outside grave (tab. 4). The correlation of cremations with the raised rank on the western territory stronger than on the east territory. Among the cremations of the western territory there are burials which located between the two barrows. The mounds, which were erected on those burials joined two barrows. Such joining mounds were sign of the highest rank in the Srubnaya culture burial ritual. The ratio of this burials among the cremations of the western territory is 12,5%.

On western territory the cremations of I tip includes instrument for tannery production, wooden cups, flints, temple's pendants and several artifacts of unknown functional fixing (tab. 5). The tannery instrument head correlates with the status of the artisan. The wooden cups, ship's astragali and flints correlates with the priest's status. The correlation of cremations with priest's attributes on the western territory stronger than on the eastern territory. That is 12,7% burials against 3,0% burials.

The different ratio of the cremations containing vessel with ornament on the two territories of the Srubnaya culture's community (44,8% on the eastern territory and 61,3% on the western territory) (tab. 6). On the western territory cremations correlates with irregular ornament. This ornament were sign of the priest's status. On the both territories correlation among the cremations and ornament with predominating component took place (tab. 6).

There are 4 accounted complexes of VII tip were excavated on the *eastern territory*. Among the deceased on this territory 2 or 3 children. 2 burials displayed the symbols of the raised rank. 1 burial include the shells. These artifacts were sign of the priest's status.

There are 14 accounted complexes of VII tip were excavated on the *western territory*. Only 1 burial displayed the symbol of the raised rank.

There are 1 accounted complex of XIII tip was excavated on the *eastern territory*. This burial displayed the symbol of the raised rank.

There are 12 accounted complexes of XIII tip were excavated on the *western territory*. Only 1 burial displayed the symbol of the raised rank.

The complexes of XIV tip on the *eastern territory* are absent. There are 12 accounted complexes of XIV tip were excavated on the *western territory*. They burials not displayed the symbols of the raised rank.

Several conclusions were made, the most important of them the following:

1. The cremation ritual was practiced on all over the territory of Srubnaya culture's community, but in certain regions his dimension was different;
2. Srubnaya culture burials with cremation is very variation. So, the author may to assume that on this ritual was laied imprint by dives not clear factors;
3. The most spreading was buried where in tomb was layed ashes of the one deceased and bones was invested on the bottom of the tomb and was accompanied by inventory (ceramic vessel);
4. The body of deceased could was burned by different ages categories and both states. On the western territory of community, maybe, the cremation was "monopolized" by adult man more;
5. On the western territory among people of raised rank than on the eastern region;

6. The cremation sign demonstrates correlation with signs the was marked that dead belonged to the group of priest a specially on the western territory. It supports the idea that (may be except territory of modern Orenburg and Chelyabinsk regions, and during certain period of the Bronze-age – in the north-western region) the ritual of the cremation was “monopolized” by social group of priests and “magic dangerous” person.

Keywords: *Late Bronze Age, Srubnaya Culture, cremation, type.*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алаева И.П. Обряд трупосожжения как новообразование срубно-алакульской контактной зоны Южного Зауралья / И.П. Алаева // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Тезисы докладов. – Челябинск: ЧелГУ, 2002. – С. 7-10.

Багаутдинов Р.С. Погребения с сожжениями среднего и позднего бронзового века в Поволжье: автореф. дис. ... канд. ист. наук: спец. 07.00.06 “Археология” / Ин-т археолог. АН СССР. – М., 1984. – 26 с.

Багаутдинов Р.С. Курганы бронзового века у с. Канадей / Р.С. Багаутдинов // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. – Самара: Самарский гос. ун-т, 1991. – С. 36-48.

Березанская С.С. Андроновские элементы в срубной культуре на Украине / С.С. Березанская, Я.П. Гершкович // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1983. – С. 100-110.

Берестнев С.И. О погребальном обряде населения срубной общности Восточноукраинской Лесостепи / С.И. Берестнев // Древности. – Харьков, 1994. – С. 15-28.

Буйнов Ю.В. Об этнокультурных взаимодействиях племен бондарихинской и срубной культур / Ю.В. Буйнов // Вісник Харківського національного університету. Історія. – Харків, 1999. – Вип. 31. – С. 6-15.

Буйнов Ю.В. Грунтовый могильник позднего бронзового века Червоный Шлях-1 в бассейне Северского Донца / Ю.В. Буйнов, А.К. Дегтярь // Вісник Харківського національного університету. Історія. – Харків, 2005. – Вип. 37. – С. 110-119.

Буйнов Ю.В. Курган срубной культуры у с. Сухая Гомольша на Харьковщине / Ю.В. Буйнов, В.К. Михеев // Вестник ХГУ. История. – Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1989. – Вып. 23. – С. 87-95.

Васильев И.Б. Лузановский курганный могильник (материалы раскопок) / И.Б. Васильев // Средневожская археологическая экспедиция. – Куйбышев: КГУ, 1977. – С. 5-43.

Васильев И.Б. Исследования курганов на реке Чагре в Заволжье / И.Б. Васильев, П.Ф. Кузнецов // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. – Воронеж: ВГПИ, 1989. – С. 69-86.

Васильев И.Б. Новые трупосожжения бронзового века в Заволжье / И.Б. Васильев, Г.Г. Пятых // Очерки истории и культуры Поволжья. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1976. – С. 39-51.

Волкобой С.С. Срубные погребения с трупосожжением в Орельско-Самарском междуречье / С.С. Волкобой // Курганные древности Степного Поднепровья (III – I тыс. до н.э.). – Днепропетровск: ДГУ, 1979. – Вып. 3. – С. 98-103.

Ганшин О.В. До питання про витоки обряду трупоспалення у племен зрубної культурно-історичної спільноти доби пізньої бронзи Лісостепової Лівобережної України / О.В. Ганшин // Харьковский историко-археологический сборник. – Харьков: Мачулин, 2009. – Вып. 5. – С. 103-107.

Городцов В.А. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца, Изюмского уезда, Харьковской губернии / В.А. Городцов // Труды XII Археологического съезда в Харькове 1902 г. – М., 1905. – Т. I. – С. 226-340.

Забавин В.О. Погребения срубной культуры длинного кургана у села Орловское (из раскопок В.К. Кульбаки) / В.О. Забавин // ДАЗ. – 2009/2010. – № 13/14. – Донецк: Вид-во Донецк. ун-ту, 2010. – С. 174-184.

Захаров П.Е. Новые сарматские памятники у с. Бережновка / П.Е. Захаров, И.В. Сергацков // Древности Волго-Донских степей. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1998. – Вып. 6. – С. 70-82.

Збруева А.В. Маклашеевские могильники / А.В. Збруева // КСИИМК. – 1948. – Вып. XXIII. – С. 22-30.

Иванов А.Ю. Могильник эпохи бронзы у д. Новоселки на р. Цильне / А.Ю. Иванов, В.А. Скарбовенко // Археологические исследования в Поволжье. – Самара: Самарский ун-т, 1993. – С. 78-128.

- Исмагил Р.** Николаевские курганы (“Елена”) на реке Стерля в Башкортостане / [Р. Исмагил, Ю.А. Морозов, М.С. Чаплыгин]. – Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2009. – 240 с.
- Клименко В.Ф.** Погребения с трупосожжением у срубных племен Северо-Восточного Приазовья / В.Ф. Клименко // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Ч. первая. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 1996. – С. 93-96.
- Колтухов С.Г.** Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1991-1992 гг.) / [С.Г. Колтухов, А.Е. Кислый, Г.Н. Тощев]. – Запорожье: ЗГУ, 1994. – 122 с.
- Костюков В.П.** Курганы эпохи бронзы у станции Система / В.П. Костюков, И.П. Алаева // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1: Исторические науки. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2004. – № 2. – С. 5-56.
- Крамарев А.И.** Основные виды погребений срубной культуры Южного Средневожья / А.И. Крамарев // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Самара: Самарский ун-т, 2004. – Вып. 2. – С. 163-180.
- Кузьмина Е.Е.** О западных связях андроновских племен / Е.Е. Кузьмина // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. – К.: Наукова думка, 1987. – С. 48-69.
- Кузьмина О.В.** Раскопки Владимировского курганного могильника эпохи бронзы / [О.В. Кузьмина, О.В. Михайлова, И.П. Субботин] // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. – Чебоксары, 2003. – С. 259-270.
- Ломейко П.В.** Следы погребальных огненных ритуалов в средневожских памятниках срубной культуры / П.В. Ломейко, В.А. Скарбовенко // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Самара: Самарский ун-т, 2004. – Вып. 2. – С. 155-162.
- Лопатин В.А.** Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Завожье (середина II тыс. до н.э.) / В.А. Лопатин. – Саратов, 2010. – 242 с.
- Ляшко С.Н.** Курганные могильники Днепровского Надпорожья (Ясиноватое, Днепровка, Петро-Михайловка) / [С.Н. Ляшко, З.Х. Попандопуло, О.В. Дровосекова]. – Запорожье: Дикое Поле, 2004. – 178 с.
- Мерперт Н.Я.** Из древнейшей истории Среднего Поволжья / Н.Я. Мерперт // МИА. – 1958. – № 61: Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II. – С. 45-156.
- Миронов В.Г.** Погребения покровского времени кургана № 9 у с. Бородаевка / В.Г. Миронов // Археология Восточно-Европейской степи. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. – Вып. 2. – С. 52-63.
- Овчинникова Н.В.** Исследование кургана срубной культуры в Бугурусланском районе Оренбургской области / Н.В. Овчинникова, Е.В. Кабанова // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Печ. Дом “ДИМУР”, 1999. – Вып. III. – С. 65-74.
- Отрощенко В.В.** Погребения с трупосожжением у племен срубной культуры Нижнего Поднепровья / В.В. Отрощенко // Энеолит и бронзовый век Украины. – К.: Наукова думка, 1976. – С. 172-190.
- Отрощенко В.В.** Курган эпохи бронзы в Чертомлыке / В.В. Отрощенко // Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. (Скифский царский курган IV в. до н.э.) – К.: Наукова думка, 1991. – С. 324-328.
- Отрощенко В.В.** Обряд кремации у стародавнього населення території України (V тис. до н.е. – I тис. н.е.) / В.В. Отрощенко, О.П. Моця // Археологія. – 1989. – № 2. – С. 20-31.
- Пестрикова В.И.** Обряд трупосожжения у срубных племен Поволжья и Приуралья / В.И. Пестрикова // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Научные труды. – Куйбышев, 1978. – Т. 221. – С. 46-47.
- Післарий І.А.** Олександрівські могила 10 та групи поховань 11 і 12 / І.А. Післарий // МДАСУ. – № 8. – Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2008. – С. 218-228.
- Подобед В.А.** Погребения с шильями и иглами в культурах Восточной Европы эпохи поздней бронзы и предскифского времени (степь и лесостепь) / В.А. Подобед, В.В. Цимиданов // ДАЗ. 2009/2010. – № 13/14. – Донецк: Вид-во Донецк. ун-ту, 2010. – С. 98-120.
- Посредников В.А.** К вопросу об обряде кремации у срубных племен Донбасса / В.А. Посредников, Д.П. Кравец // ДАС. – Вып. 1. – Донецк: Аверс Ко ЛТД, 1992. – С. 47-56.
- Пряхин А.Д.** Курганный комплекс у хутора Шкарин / А.Д. Пряхин, Ю.П. Матвеев // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии. Материалы к курсу археологии России. – Уфа, 1993. – С. 32-50.

- Сергацков И.В.** Погребения эпохи бронзы I Барановского могильника (раскопки 1987-1988 гг.) / И.В. Сергацков // Древности Волго-Донских степей. – Вып. 2. – Волгоград: Перемена, 1992. – С. 97-105.
- Синицын И.В.** Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья / И.В. Синицын // Ученые записки Саратовского ГУ. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1947. – Т. XVII. – 132 с.
- Скарбовенко В.А.** Погребения эпохи бронзы Новопавловского курганного могильника / В.А. Скарбовенко // Древние и средневековые культуры Поволжья. – Куйбышев: Изд-во КГУ, 1981. – С. 5-26.
- Смирнов К.Ф.** О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье / К.Ф. Смирнов // СА. – 1957. – Т. XXVII. – С. 209-221.
- Супруненко А.Б.** Материалы срубной культуры в исследованиях И.А. Зарецкого / О.Б. Супруненко // 100-річчя Полтавського краєзнавчого музею. Матеріали ювілейної наукової конференції. Частина друга: Археологія Полтавщини. – Полтава, 1991. – С. 43-45.
- Супруненко О.Б.** Кургани з похованнями золотоординського часу поблизу Волошиного у пониззі Псла // Старожитності околиць Комсомольська. Ч. III. / [О.Б. Супруненко, С.В. Маєвська, А.В. Артем'єв, С.О. Горбенко]. – К., Полтава, 2006. – 140 с.
- Тихонов В.В.** Грунтовый могильник Калач в Саратовском Заволжье / В.В. Тихонов // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. – Саратов, 1996. – Вып. 1. – С. 37-52.
- Тихонов В.В.** Исследование грунтового могильника эпохи поздней бронзы в Саратовском Заволжье / В.В. Тихонов // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау. – Саратов: Из-во СГПИ, 1997. – С. 76-79.
- Федорова-Давыдова Э.А.** Обряд трупосожжения у срубно-алакульских племен Оренбуржья / Э.А. Федорова-Давыдова // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 165-173.
- Халяпин М.В.** Курганы срубной культуры у с. Свердлово / М.В. Халяпин // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Печ. Дом “ДИМУР”, 1998. – Вып. II. – С. 57-86.
- Харнер М.Дж.** Путь шамана или шаманская практика: руководство по обретению силы и целительству / М.Дж. Харнер – М.: Палантин, 1994. – 102 с.
- Цимиданов В.В.** Кремация в срубной культуре как статусный знак / В.В. Цимиданов // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы международной научной конференции, посвященной 10-летию независимости Украины. – Харьков, 2001. – С. 40-41.
- Цимиданов В.В.** Социальная структура срубного общества / В.В. Цимиданов. – Донецк, 2004. – 204 с.
- Цимиданов В.В.** Срубная культурно-историческая общность: женщины и мужчины / В.В. Цимиданов // МДАСУ. – № 5. – Луганськ: Вид-во ЧНУ ім. В. Даля, 2006. – С. 193-214.
- Цимиданов В.В.** Погребения с раковинами моллюсков в срубной культуре / В.В. Цимиданов // Теория и практика археологических исследований. – Вып. 5. – Барнаул: Азбука, 2009. – С. 69-74.
- Черных Е.Н.** Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен) / Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых. – М.: Наука, 1989. – 320 с.

REFERENCES

- Alaeva I.P.** Obryad truposozhzheniya kak novoobrazovanie srubno-alakul'skoj kontaktnoj zony YUzhnogo Zaural'ya / I.P. Alaeva // Etnicheskie vzaimodejstviya na YUzhnom Urale. Tezisy dokladov. – CHelyabinsk: CHelGU, 2002. – S. 7-10.
- Bagautdinov R.S.** Pogrebeniya s sozhzheniyami srednego i pozdnego bronzovogo veka v Povolzh'e: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: spec. 07.00.06 “Arheologiya” / In-t arheolog. AN SSSR. – M., 1984. – 26 s.
- Bagautdinov R.S.** Kurgany bronzovogo veka u s. Kanadej / R.S. Bagautdinov // Arheologicheskie issledovaniya v lesostepnom Povolzh'e. – Samara: Samarskij gos. un-t, 1991. – S. 36-48.
- Berezanskaya S.S.** Andronovskie elementy v srubnoj kul'ture na Ukraine / S.S. Berezanskaya, YA.P. Gershkovich // Bronzovyy vek stepnoj polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya. – CHelyabinsk: Izd-vo CHelGU, 1983. – S. 100-110.

- Berestnev S.I.** O pogrebal'nom obryade naseleniya srubnoj obshchnosti Vostochnoukrainskoj Lesostepi / S.I. Berestnev // *Drevnosti*. – Har'kov, 1994. – S. 15-28.
- Bujnov YU.V.** Ob etnokul'turnyh vzaimodejstviyah plemen bondarihinskoj i srubnoj kul'tur / YU.V. Bujnov // *Visnyk Kharkivskoho natsionalnoho universytetu. Istoriiia*. – Kharkiv, 1999. – Vyp. 31. – S. 6-15.
- Bujnov YU.V.** Gruntovyj mogil'nik pozdnego bronzovogo veka CHervonyj SHlyah-I v bassejne Severskogo Donca / YU.V. Bujnov, A.K. Degtyar' // *Visnyk Kharkivskoho natsionalnoho universytetu. Istoriiia*. – Kharkiv, 2005. – Vyp. 37. – S. 110-119.
- Bujnov YU.V.** Kurgan srubnoj kul'tury u s. Suhaya Gomol'sha na Har'kovshchine / YU.V. Bujnov, V.K. Miheev // *Vestnik HGU. Istoriiia*. – Har'kov: Izd-vo Har'k. un-ta, 1989. – Vyp. 23. – S. 87-95.
- Vasil'ev I.B.** Luzanovskij kurgannyj mogil'nik (materialy raskopok) / I.B. Vasil'ev // *Srednevolzhskaya arheologicheskaya ekspediciya*. – Kujbyshev: KGU, 1977. – S. 5-43.
- Vasil'ev I.B.** Issledovaniya kurganov na reke CHagre v Zavolzh'e / I.B. Vasil'ev, P.F. Kuznecov // *Problemy arheologicheskogo izucheniya Dono-Volzhskoj lesostepi*. – Voronezh: VGPI, 1989. – S. 69-86.
- Vasil'ev I.B.** Novye truposozhzheniya bronzovogo veka v Zavolzh'e / I.B. Vasil'ev, G.G. Pyatyh // *Ocherki istorii i kul'tury Povolzh'ya*. – Kujbyshev: Izd-vo Kujbyshev. ped. in-ta, 1976. – S. 39-51.
- Volkoboj S.S.** Srubnye pogrebeniya s truposozhzheniem v Orel'sko-Samarskom mezhdurech'e / S.S. Volkoboj // *Kurgannye drevnosti Stepnogo Podneprov'ya (III–I tys. do n.e.)*. – Dnepropetrovsk: DGU, 1979. – Vyp. 3. – S. 98-103.
- Hanshyn O.V.** Do pytannia pro vytoky obriadu trupospalennia u plemen zrubnoi kulturno-istorychnoi spilnoty doby piznoi bronzy Lisostepovoi Livoberezhnoi Ukrainy / O.V. Hanshyn // *Kharkovskiy ystoryko-arkheolohycheskyi sbornyk*. – Kharkov: Machulyn, 2009. – Выр. 5. – S. 103-107.
- Gorodcov V.A.** Materialy arheologicheskikh issledovanij na beregah r. Donca, Izyumskogo uezda, Har'kovskoj gubernii / V.A. Gorodcov // *Trudy XII Arheologicheskogo s"ezda v Har'kove 1902 g.* – M., 1905. – T. I. – S. 226-340.
- Zabavin V.O.** Pogrebeniya srubnoj kul'tury dlinnogo kurgana u sela Orlovskoe (iz raskopok V.K. Kul'baki) / V.O. Zabavin // *DAZ*. – 2009/2010. – № 13/14. – Donetsk: Vyd-vo Donetsk. un-tu, 2010. – S. 174-184.
- Zaharov P.E.** Novye sarmatskie pamyatniki u s. Berezhnovka / P.E. Zaharov, I.V. Sergackov // *Drevnosti Volgo-Donskih stepej*. – Volgograd: Izd-vo Volgogr. gos. un-ta, 1998. – Vyp. 6. – S. 70-82.
- Zbrueva A.V.** Maklasheevskie mogil'niki / A.V. Zbrueva // *KSIIMK*. – 1948. – Vyp. XXIII. – S. 22-30.
- Ivanov A.YU.** Mogil'nik epohi bronzy u d. Novoselki na r. Cil'ne / A.YU. Ivanov, V.A. Skarbovenko // *Arheologicheskie issledovaniya v Povolzh'e*. – Samara: Samarskij un-t, 1993. – S. 78-128.
- Ismagil R.** Nikolaevskie kurgany ("Elena") na reke Sterlya v Bashkortostane / [R. Ismagil, YU.A. Morozov, M.S. CHaplygin]. – Ufa: DizajnPoligrafServis, 2009. – 240 s.
- Klimenko V.F.** Pogrebeniya s truposozhzheniem u srubnyh plemen Severo-Vostochnogo Priazov'ya / V.F. Klimenko // *Severo-Vostochnoe Priazov'e v sisteme evrazijskikh drevnostej (eneolit – bronzovyj vek)*. CH. pervaya. – Doneck: Izd-vo DonGU, 1996. – S. 93-96.
- Koltuhov S.G.** Kurgannye drevnosti Kryma (po materialam raskopok Severo-Krymskoj ekspedicii v 1991-1992 gg.) / [S.G. Koltuhov, A.E. Kislyj, G.N. Toshchev]. – Zaporozh'e: ZGU, 1994. – 122 s.
- Kostyukov V.P.** Kurgany epohi bronzy u stancii Sistema / V.P. Kostyukov, I.P. Alaeva // *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1: Istoricheskie nauki*. – CHelyabinsk: Izd-vo CHGPU, 2004. – № 2. – S. 5-56.
- Kramarev A.I.** Osnovnye vidy pogrebenij srubnoj kul'tury YUzhnogo Srednevolzh'ya / A.I. Kramarev // *Voprosy arheologii Urala i Povolzh'ya*. – Samara: Samarskij un-t, 2004. – Vyp. 2. – S. 163-180.
- Kuz'mina E.E.** O zapadnyh svyazyah andronovskih plemen / E.E. Kuz'mina // *Mezhplemennye svyazi epohi bronzy na territorii Ukrainy*. – K.: Naukova dumka, 1987. – S. 48-69.
- Kuz'mina O.V.** Raskopki Vladimirovskogo kurgannogo mogil'nika epohi bronzy / [O.V. Kuz'mina, O.V. Mihajlova, I.P. Subbotin] // *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost': istoki, razvitie, nasledie. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. – CHEboksary, 2003. – S. 259-270.
- Lomejko P.V.** Sledy pogrebal'nyh ognennyh ritualov v srednevolzhskih pamyatnikah srubnoj kul'tury / P.V. Lomejko, V.A. Skarbovenko // *Voprosy arheologii Urala i Povolzh'ya*. – Samara: Samarskij un-t, 2004. – Vyp. 2. – S. 155-162.
- Lopatin V.A.** Smelovskij mogil'nik: model' lokal'nogo kul'turogeneza v stepnom Zavolzh'e (seredina II tys. do n.e.) / V.A. Lopatin. – Saratov, 2010. – 242 s.

- Lyashko S.N.** Kurgannye mogil'niki Dneprovskogo Nadporozh'ya (YAsinovatoe, Dneprovka, Petro-Mihajlovka) / [S.N. Lyashko, Z.H. Popandopulo, O.V. Drovosekova]. – Zaporozh'e: Dikoe Pole, 2004. – 178 s.
- Merpert N.YA.** Iz drevnejshoj istorii Srednego Povolzh'ya / N.YA. Merpert // MIA. – 1958. – № 61: Trudy Kujbyshevskoj arheologicheskoy ekspedicii. T. II. – S. 45-156.
- Mironov V.G.** Pogrebeniya pokrovskogo vremeni kurgana № 9 u s. Borodaevka / V.G. Mironov // Arheologiya Vostochno-Evropejskoj stepi. – Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1991. – Vyp. 2. – S. 52-63.
- Ovchinnikova N.V.** Issledovanie kurgana srubnoj kul'tury v Buguruslanskom rajone Orenburgskoj oblasti / N.V. Ovchinnikova, E.V. Kabanova // Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya. – Orenburg: Pech. Dom "DIMUR", 1999. – Vyp. III. – S. 65-74.
- Otroshchenko V.V.** Pogrebeniya s truposozhzhaniem u plemen srubnoj kul'tury Nizhnego Podneprov'ya / V.V. Otroshchenko // Eneolit i bronzovyj vek Ukrainy. – K.: Naukova dumka, 1976. – S. 172-190.
- Otroshchenko V.V.** Kurgan epohi bronzы v CHertomlyke / V.V. Otroshchenko // Alekseev A.YU., Murzin V.YU., Rolle R. CHertomlyk. (Skifskij carskij kurgan IV v. do n.e.) – K.: Naukova dumka, 1991. – S. 324-328.
- Otroshchenko V.V.** Obriad krematsii u starodavnogo naselennia terytorii Ukrainy (V tys. do n.e. – I tys. n.e.) / V.V. Otroshchenko, O.P. Motsia // Arkheolohiia. – 1989. – № 2. – S. 20-31.
- Pestrikova V.I.** Obryad truposozhzheniya u srubnyh plemen Povolzh'ya i Priural'ya / V.I. Pestrikova // Drevnie kul'tury Povolzh'ya i Priural'ya. Nauchnye trudy. – Kujbyshev, 1978. – T. 221. – S. 46-47.
- Pislaryi I.A.** Oleksandrivski mohyla 10 ta hrupy pokhovan 11 i 12 / I.A. Pislaryi // MDASU. – Luhansk: Vyd-vo SNU im. V. Dalia, 2008. – № 8. – S. 218-228.
- Podobed V.A.** Pogrebeniya s shil'yami i iglami v kul'turah Vostochnoj Evropy epohi pozdnej bronzы i predskifskogo vremeni (step' i lesostep') / V.A. Podobed, V.V. Cimidanov // DAZ. 2009/2010. – № 13/14. – Donetsk: Vyd-vo Donetsk. un-tu, 2010. – S. 98-120.
- Posrednikov V.A.** K voprosu ob obryade krematsii u srubnyh plemen Donbassa / V.A. Posrednikov, D.P. Kravec // DAS. – Vyp. 1. – Doneck: Avers Ko LTD, 1992. – S. 47-56.
- Pryahin A.D.** Kurgannaya gruppa u hutora SHkarin / A.D. Pryahin, YU.P. Matveev // Pogrebal'nye pamyatniki epohi bronzы lesostepnoj Evrazii. Materialy k kursu arheologii Rossii. – Ufa, 1993. – S. 32-50.
- Sergackov I.V.** Pogrebeniya epohi bronzы I Baranovskogo mogil'nika (raskopki 1987-1988 gg.) / I.V. Sergackov // Drevnosti Volgo-Donskih stepej. – Vyp. 2. – Volgograd: Peremena, 1992. – S. 97-105.
- Sinicyn I.V.** Arheologicheskie raskopki na territorii Nizhnego Povolzh'ya / I.V. Sinicyn / Uchenye zapiski Saratovskogo GU. – Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1947. – T. XVII. – 132 s.
- Skarbovenko V.A.** Pogrebeniya epohi bronzы Novopavlovskogo kurgannogo mogil'nika / V.A. Skarbovenko // Drevnie i srednevekovye kul'tury Povolzh'ya. – Kujbyshev: Izd-vo KGU, 1981. – S. 5-26.
- Smirnov K.F.** O pogrebeniyah s konyami i truposozhzheniyah epohi bronzы v Nizhnem Povolzh'e / K.F. Smirnov // SA. – 1957. – T. XXVII. – S. 209-221.
- Suprunenko A.B.** Materialy srubnoj kul'tury v issledovaniyah I.A. Zareckogo / O.B. Suprunenko // 100-richchia Poltavskoho kraieznavchoho muzeiu. Materialy yuvileinoi naukovoï konferentsii. Chastyna druha: Arkheolohiia Poltavshchyny. – Poltava, 1991. – S. 43-45.
- Suprunenko O.B.** Kurhany z pokhovanniamy zolotoordynskoho chasu poblyzu Voloshynoho u ponyzzi Psia // Starozhytnosti okolyts Komsomolska. Ch. III. / [O.B. Suprunenko, S.V. Maievska, A.V. Artem'iev, S.O. Horbenko]. – K., Poltava, 2006. – 140 s.
- Tihonov V.V.** Gruntovyj mogil'nik Kalach v Saratovskom Zavolzh'e / V.V. Tihonov // Ohrana i issledovanie pamyatnikov arheologii Saratovskoj oblasti v 1995 godu. – Saratov, 1996. – Vyp. 1. – S. 37-52.
- Tihonov V.V.** Issledovanie gruntovogo mogil'nika epohi pozdnej bronzы v Saratovskom Zavolzh'e / V.V. Tihonov // Epoha bronzы i rannij zheleznyj vek v istorii drevnih plemen yuzhnorusskih stepej: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya P.D. Rau. – Saratov: Iz-vo SGPI, 1997. – S. 76-79.
- Fedorova-Davydova E.A.** Obryad truposozhzheniya u srubno-alakul'skih plemen Orenburzh'ya / E.A. Fedorova-Davydova // Problemy arheologii Urala i Sibiri. – M.: Nauka, 1973. – S. 165-173.
- Halyapin M.V.** Kurgany srubnoj kul'tury u s. Sverdlovo / M.V. Halyapin // Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya. – Orenburg: Pech. Dom "DIMUR", 1998. – Vyp. II. – S. 57-86.
- Harner M.Dzh.** Put' shamana ili shamanskaya praktika: rukovodstvo po obreteniyu sily i celitel'stvu / M.Dzh. Harner – M.: Palantir, 1994. – 102 s.

Cimidanov V.V. Kremaciya v srubnoj kul'ture kak statusnyj znak / V.V. Cimidanov // Problemy istorii i arheologii Ukrainy: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 10-letiyu nezavisimosti Ukrainy. – Har'kov, 2001. – S. 40-41.

Cimidanov V.V. Social'naya struktura srubnogo obshchestva / V.V. Cimidanov. – Doneck, 2004. – 204 s.

Cimidanov V.V. Srubnaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost': zhenshchiny i muzhchiny / V.V. Cimidanov // MDASU. – № 5. – Luhansk: Vyd-vo SNU im. V. Dalia, 2006. – S. 193-214.

Cimidanov V.V. Pogrebeniya s rakovinami mollyuskov v srubnoj kul'ture / V.V. Cimidanov // Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij. – Vyp. 5. – Barnaul: Azbuka, 2009. – S. 69-74.

Chernyh E.N. Drevnyaya metallurgiya Severnoj Evrazii (sejminsko-turbinskij fenomen) / E.N. Chernyh, S.V. Kuz'minyh. – M.: Nauka, 1989. – 320 s.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Частота встречаемости кремаций в различных регионах срубной общности

Регионы	Число учтенных погребений	Число кремаций	Удельный вес кремаций (%)
Южный Урал	993	39	3,93
В т.ч. Челябинская обл.	198	17	8,59
В т.ч. Оренбургская обл.	315	18	5,71
В т.ч. Башкортостан	448	3	0,67
Среднее Поволжье	983	30	3,05
Нижнее Поволжье	1049	15	1,43
В т.ч. Саратовская обл.	609	11	1,81
В т.ч. Волгоградская обл.	409	4	0,98
Восточная территория в целом	3025	84	2,78
Верхнее и Среднее Подонье	477	5	1,05
Нижнее Подонье	547	3	0,55
Предкавказье	115	--	--
Северо-запад (Украинская левобережная лесостепь, левобережье Среднего Донца, Калитва)	450	45	10,0
Донбасс	922	12	1,3
Приазовье	742	16	2,16
Орельско-Самарское междуречье	463	14	3,02
Самарско-Конкское междуречье	288	4	1,39
Днепро-Молочанское междуречье	350	15	4,29
Днепровское Правобережье	250	9	3,60
Крым	218	8	3,67
Западная территория в целом	4822	131	2,72
ТЕРРИТОРИЯ СРУБНОЙ ОБЩНОСТИ В ЦЕЛОМ	7847	215	2,74

Таблица 2. Частота встречаемости кремаций разных типов
в различных регионах срубной общности (%)

Регионы	Типы кремаций						
	I	II	III	IV	V	VI	VII
Южный Урал	3,02	0,10	--	0,10	0,10	0,10	0,40
В т.ч. Челябинская обл.	6,57	0,51	--	--	--	0,51	0,51
В т.ч. Оренбургская обл.	4,13	--	--	0,32	0,32	--	0,95
В т.ч. Башкортостан	0,67	--	--	--	--	--	--
Среднее Поволжье	2,44	0,31	--	0,10	--	--	--
Нижнее Поволжье	1,24	--	--	--	--	--	--
В т.ч. Саратовская обл.	1,64	--	--	--	--	--	--
В т.ч. Волгоградская обл.	0,73	--	--	--	--	--	--
ВОСТОЧНАЯ ТЕРРИТОРИЯ В ЦЕЛОМ	2,21	0,13	--	0,07	0,03	0,03	0,13
Верхнее и Среднее Подонье	0,84	--	--	--	--	--	--
Нижнее Подонье	0,55	--	--	--	--	--	--
Предкавказье	--	--	--	--	--	--	--
Северо-запад (Украинская левобережная лесостепь, левобережье Среднего Донца, Калитва)	1,10	0,22	--	0,44	--	--	2,44
Донбасс	0,87	--	0,11	0,11	--	--	0,22
Приазовье	2,02	--	--	0,13	--	--	--
Орельско-Самарское междуречье	2,59	0,22	--	--	--	--	0,22
Самарско-Конкское междуречье	1,39	--	--	--	--	--	--
Днепро-Молочанское междуречье	4,0	--	--	--	--	--	--
Днепровское Правобережье	3,20	--	--	--	0,40	--	--
Крым	3,21	0,46	--	--	--	--	--
ЗАПАДНАЯ ТЕРРИТОРИЯ В ЦЕЛОМ	1,66	0,06	0,02	0,08	0,02	--	0,29
ТЕРРИТОРИЯ СРУБНОЙ ОБЩНОСТИ В ЦЕЛОМ	1,87	0,09	0,01	0,08	0,03	0,01	0,23

Таблица 3. Частота встречаемости кремаций разных типов в различных регионах срубной общности (%)

Регионы	Типы кремаций						
	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV
Южный Урал	0,10	--	--	--	--	--	--
В т.ч. Челябинская обл.	--	--	--	--	--	--	--
В т.ч. Оренбургская обл.	0,32	--	--	--	--	--	--
В т.ч. Башкортостан	--	--	--	--	--	--	--
Среднее Поволжье	--	--	0,10	--	--	0,10	--
Нижнее Поволжье	--	--	--	0,09	--	0,09	--
В т.ч. Саратовская обл.	--	--	--	0,16	--	--	--
В т.ч. Волгоградская обл.	--	--	--	--	--	0,24	--
ВОСТОЧНАЯ ТЕРРИТОРИЯ В ЦЕЛОМ	0,03	--	0,03	0,03	--	0,07	--
Верхнее и Среднее Подонье	--	--	--	--	--	0,21	--
Нижнее Подонье	--	--	--	--	--	--	--
Предкавказье	--	--	--	--	--	--	--
Северо-Запад (Украинская левобережная лесостепь, левобережье Среднего Донца, Калитва)	0,22	--	--	0,44	0,22	2,22	2,67
Донбасс	--	--	--	--	--	--	--
Приазовье	--	--	--	--	--	--	--
Орельско-Самарское междуречье	--	--	--	--	--	--	--
Самарско-Конкское междуречье	--	--	--	--	--	--	--
Днепро-Молочанское междуречье	--	0,29	--	--	--	--	--
Днепровское Правобережье	--	--	--	--	--	--	--
Крым	--	--	--	--	--	--	--
ЗАПАДНАЯ ТЕРРИТОРИЯ В ЦЕЛОМ	0,02	0,02	--	0,04	0,02	0,23	0,25
ТЕРРИТОРИЯ СРУБНОЙ ОБЩНОСТИ В ЦЕЛОМ	0,03	0,01	0,01	0,04	0,01	0,17	0,15

Таблица 4. Степень выраженности ранговых знаков в массиве кремаций I типа (%)

Ранговые знаки	Восточная территория	Западная территория
Индивидуальный курган (досыпка)	14,9	50,0
Расположение в центре кургана в окружении других захоронений	6,0	--
Большая яма	26,9	25,0
Сложное могильное сооружение	6,0	23,8
Мясная пища	9,0	31,3
Избыточное число сосудов	4,5	17,5
Бронзовый нож	3,0	11,3
Деревянное блюдо	--	8,8
Ритуалы вне дна могилы	9,0	18,8
Захоронения без ранговых знаков	49,3	23,8

Таблица 5. Частота встречаемости категорий погребального инвентаря в захоронениях с кремациями (%)

Категории инвентаря	Восточная территория		Западная территория
Каменная булава	1,5		--
Бронзовая игла	1,5		--
Керамическое ложило для обработки кожи	--		1,3
Костяная трубка	3,0		--
Деревянная чаша	1,5*		6,3**
Астрагал	--		3,9
Кремень	--		3,8***
Височная подвеска (без других украшений)	3,0		1,3
Бусы (без других украшений)	3,0		--
Браслет (без других украшений)	1,5		--
Височная подвеска + бусы	1,5		--
Височная подвеска + браслет	1,5		--
Браслет + кусочек серебра	1,5		--
Височная подвеска + бусы + браслет	1,5		--
Кристалл горного хрусталя	1,5		--
Бронзовая «скрепка»	--		1,3
Костяное изделие неясного назначения	--		1,3
Костяная «ворворка»	--		1,3
Деревянная палочка	--		1,3

* – с бронзовой накладкой

** – в 4 погребениях – с бронзовыми накладками (в 1 из них была и чаша без накладки), в 1 – без накладки

*** – в 2 случаях – отщепы (1 – обожжен), в 1 – скребок

Таблица 6. Частота встречаемости некоторых типов орнамента на сосудах в трупосожжениях I типа (%)

Орнамент	Восточная территория		Западная территория	
	Кремации	Погребения в целом	Кремации	Погребения в целом
Орнамент в целом	44,8	47,6	61,3	42,5
Иррегулярный орнамент и знаки	4,5	4,3	15,0	2,4
Орнамент с доминирующим компонентом	5,9	0,6	6,3	1,0